

Аврам ЛИОН

СЛОИ ГОСПОДСТВА В ДИСКУРСЕ О ЯЗЫКАХ ПОВОЛЖЬЯ В
ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ ИМПЕРИИ

Бір тілдің екінші бір тілге өсері, лексикалық немесе синтаксистік ауысулар жайлы мәселелер көбіне бір тілдің екінші бір тілге жүргізген үстемдігі секілді болып көрінеді. Яғни кез келген қарым-қатынаста болатын тілдік феномен алушының (халықтың, тілдің) берушіге (халыққа, тілге) тәуелділігін көрсетеді.

Bir dilin başka bir dile olan tesiri, ayrıca leksikolojik veya sözdizimsel dönüşümlerle ilgili hususlar çoğu zaman bir dilin ikinci bir dile üstünlük kurması olarak görülebilir. Yani kullandığı herhangi bir dili alıcının (halkın, dilin) o dili üreticiye (halka, dile) olan bağımlılığını göstermektedir.

Вопросы влияния одного языка на другой, заимствований лексического или синтаксического, зачастую переокрашиваются в общие представления о превосходстве или господстве того или иного языка. То есть языковой феномен, естественный в условиях любого контакта, предподносится как доказательство излишнего подчинения культуры-получателя (народа, языка) другой культуре-источнику (народу, языку), или же в качестве свидетельства о неестественности употребляемый народом языка.

В настоящей работе прослеживается многосторонний дискурс о заимствовании в языках Поволжья с начала 90-х годов XIX века до революций 1917 года. В этом позднем периоде развития имперских отношений к нерусскому населению края намечается в переписке, брошюрах и в архивных материалах такое представление о татарском языке, как о языке одновременно находящемся под нежелательном – и неестественном – влиянием персидского, османского и арабского языка, и оказывающем такое же нежелательное и неестественное влияние на соседние ему марийский, чувашский и даже башкирский языки.

Основной базой источников работы служат архивные материалы казанского просветителя, директора Казанской учительской семинарии Н.А. Бобровникова, переводы и рецензии наставника той же семинарии, языковеда Н.И. Апшарина, и разных лиц, причастных к переводческой работе миссионерских и светских организаций, и также к органам цензуры и прочего контроля над печатным делом в крае.

Начинаем с отдельных моментов с истории работы с данным вопросом. В ходе собрания материала по чувашскому языку в с. Новая Карамала (так в оригинале; ныне село Новые Карамалы в Миякинском районе Башкортостана), Н.И. Апшарин писал своему коллеге и начальнику, Н.А. Бобровникову о татаризации местных чувашей и башкир: Здесь мы поселились у одного полуобруселого чувашина, переселенца из Карсунского уезда Симб. г.; сам он говорит по-русски почти безошибочно, семья тоже знает по-русски. Остальные чувашаи здесь совершенные язычники и, с внешней стороны, значительно подверглись влиянию татар: носят татарский костюм, подстригают усы и держат в домах татарские тазы и кумганы. Язык

здешних чуваш – почти книжный, но до крайности изобилует татарщиной. Башкиры, живущие в окрестностях / один из них доставляет нам кумыс / – тоже совершенно отатарились и, кажется, не знают ни одного башкирского слова [1].

В этом письме, мы видим представление о татарском языке как языке, проникающим и несколько портящим соседние наречия. Хотя Ашмарин по образованию и даже по работе не являлся миссионером, можно читать в его описании чувашей и башкир определенное сожаление о том, что народы не чистые. Две недели раньше, Ашмарин писал Бобровникову о языке уфимских чувашей: За время пребывания в Белебеевском уезде я собрал что было можно, по чувашскому словарю и записал некоторые чувашские верования и, между прочим, около двухсот песен. Наречие уфимских чуваш, как оказалось, не представляет собою ничего своеобразного, если не считать сильной татарской примеси: он, в общем, почти не отличается от буинского наречия, принятого в переводах, хотя у отдельных лиц иногда слухатся и формы верховой речи, что свидетельствует о том, что тамошнее наречие перерождается и низовой говор берет верх [2].

Вопрос о преимуществе верхового или низового наречия у той или иной группы чувашей представлял интерес не только для составления словаря чувашского языка, но и для продолжающейся переводческой деятельности Переводческой комиссии при Братстве св. Гурия в Казани, в которой участвовала большая часть преподавателей Казанской учительской семинарии.

У того же Ашмарина мы находим и критический взгляд на влияние арабского и персидского языков на татарский язык; в его дипломной работе *Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880-1895*, написанной в Лазаревском институте в 1894¹ и позднее отредактирована автором совместно с А.Е. Крымским и издана в Трудах того же Института в 1901 г., мы находим мнение: Подобно другим тюркам, татары не пишут на чистом татарском народном языке. В их книжной речи встречается масса арабских и персидских выражений, часто только мешающих изяществу и толковости языка. Литературный язык казанских татар представляется нам кроме того странным смешением нескольких тюркских наречий; в нем мы видим на ряду с собственно татарскими формами особенности, свойственные джагатайскому и турецкому (т.е. османскому) языку, которые усвоены путем заимствования и подражания [3].

¹ Тут конечно возникает простой вопрос хронологии – мы знаем точно, что Ашмарин окончил Лазаревский институт в 1894 г., но должны полагать, что он несколько дополнял ее для издания в Трудах Института. К примеру, роман Загира Бигиева *Великие грехи (Гонаһе кәбир)* был издан только в 1895 г., но Ашмарин приводит пересказ его.

Здесь идеология чистоты находит свое место и относительно татарского языка. Преимущество “народного” языка над языком с примесью других языков кажется Ашмарину совершенно естественным, и он приветствует появление таких же мнений относительно народного языка у самих татар:

[...] в последнее время некоторые из татарских сочинений пишутся и на *чистом* народном языке, разумеется с примесью арабского элемента, который всюду неизбежен и необходим для “высокого штиля”, так как народная татарская речь бедна словами, нужными для выражения более или менее отвлеченных понятий [4].

Так, Ашмарин признает необходимость заимствований для передачи идей и понятий, чуждых или отдаленных от того быта, в котором и развивался татарский язык. При этом, он видит в их присутствии начало членения литературного языка на различные штили, подобно русскому языку в периоде становлений его литературы. Примечательно, что это не единственный случай, когда Ашмарин видел в развитии татарской литературы явления, аналогичные западной или русской литературе. В дипломной работе в институте и в газете “Волжский вестник”, он писал о сходстве народного творчества и поэзии инородцев Поволжья с французским декадентством [5; 3]². Самое удивительное, есть и сообщение о том, что “известный ориенталист г. Ашмарин перевод комедии “О время” Екатерины II принял за оригинальное татарское произведение” [6]³.

Если в своих работах Н.И. Ашмарин придерживался общепринятым лингвистическим взглядам относительно роли заимствования в развитии языка, то в деятельности его начальника в Семинарии и приемного сына Н.И. Ильминского [7] – Н.А. Бобровникова – миссионерские и политические цели придают особый оттенок этому дискурсу. В компетенции Бобровникова как директора Казанской (инородческой) учительской семинарии и делопроизводителя Переводческой комиссии Братства св.

² Крымский решил, что данные суждения были неуместны в завершенной статье: “Устранены были мною также некоторые побочные экскурсы, мало уместные в издании академического характера, — напр., сопоставление татарской народной поэзии с западно-европейским декадентством”.

³ К сожалению, мы не имеем сведения о том, о каком спектакле идет речь, и конкретно когда и почему Ашмарин рассматривал этот перевод. Возможно, что просмотр переводов спектаклей входил в его обязанности как надзиратель татарской печати при МВД. Об этом см. также формулярный список о службе Ашмарина, НА РТ ф. 93 оп. 1 д. 873 лл. 1-5, ср. трудовой список его НА ЧИИГН отд. II, ед. хр. 320, инв. №731. В первом есть сведения о службе при МВД: Журналом за №270, утвержденным г. Министром Внутренних Дел 12 января 1902 года, назначено вознаграждение за труды по составлению обзоров произведений печати на восточных языках, по цензурованию объявлений на сих языках и наблюдение за типографиями в год 1200 руб.

Также 1901-1904. В советском трудовом списке умалчивается об этой деятельности.

Гурия входила переводческая работа разного рода, и к нему часто приходили просьбы от губернатора и других лиц, чтобы он рецензировал или проверял переводы на различные языки Казанской губернии и Казанского учебного округа [8] (о Первой всеобщей переписи); [9]; [10; 11] (преимущественно религиозного характера, для Братства св. Гурия); [12]. Из них представляют особый интерес объявления о Первой Всеобщей переписи 1897 г., и переводы духовной литературы на местные языки.

Судя по имеющим документам, объявления о предстоящей переписи были переданы учителям Казанской учительской школы (не Семинарии) для перевода на татарский язык. Когда эти объявления были распространены в губернии, они вызвали волнения; точная причина и характер волнения не раскрывается в упомянутой переписке, но американский историк Пол Уерт находит, что татары нашли в объявлениях повод думать, что государство заставит всех принять православие, или подобную угрозу [7]. Какая бы и не была причина волнений, казанский губернатор обратился к Бобровникову в 1896 г., для просмотра спорных объявлений. Бобровников же обратился к Ашмарину для точного анализа языка объявления⁴, и последний нашел в нем черты попытки писать на неестественном, общетюркском языке. В своем отчете губернатору, Бобровников объявил Казанскую татарскую учительскую школу провалом, неудачной попыткой развивать русские идеалы среди татар (Апоп. 1896). Погрешности перевода получают более полное освещение в книге Бобровникова *Иностранческое население Казанской губернии* (1899), где он дает определение языку “татар магометан”:

... язык, на котором издаются магометанские книги в Казани [...] это особый жаргон, который должен объединить язык всех русских мусульман с литературным турецким языком; так в брошюре о переписи переводчик-мусульманин для перевода многих общеизвестных татарам русских выражений употребил слова литературного турецкого языка, например он взял турецкое слово: вилает вместо губерния, арабское слово карйа вместо деревня и т. п. [...] Перевод оказался на столько непонятен татарам, что послужил одной из причин татарских волнений [13].

Так мы видим, что чистота татарского языка воспринимается как дело одновременно лингвистическое, культурное, религиозное и государственное.

В другие моменты Бобровников находил недостатки в переводах духовной литературы, то лингвистические, то догматические. В одном подобном случае, он отказался одобрить новый перевод Священной истории на калмыцкий язык, констатируя что он употребляет – для обозначения Святого духа и других главных понятий Православия – слова с сугубо-буддистскими значениями, представляющие угрозу вере новокрещенных

⁴ Дело КУС. 18986. В этом деле имеется рецензия на спорный перевод объявления, выполнена Ашмарином.

калмыков. К этому и прибавляет Бобровников что транскрипция в книге неадекватно отображает систему гласных в калмыцком языке (Бобровников 1899). В таких моментах становится ясно, что мы имеем дело с людьми, которые видели свою деятельность как одно целое-- не как миссионеры-востоковеды-просветители, а скорее это для Бобровникова, и может и для Апшарина, все было одно разделимое целое.

Если вернуться к идее слоев господства в дискурсе о влиянии, о заимствовании в Поволжье и Приуралье, то есть определенное основание полагать что нетатарские народы данного пространства осознано чувствовали двойного над ними господства-- то русского имперского господства, хорошо изученное, то татарского местного господства, через торговлю и культуру. Второе и у Бобровникова зафиксировано:

[..] все вотяки [*прим. авт.* удмурты] должны находиться под сильным влиянием татар-магометян, но влияние татар, кроме численного их превосходства, опирается на некоторые культурные превосходства магометян над вотяками и прочими инородцами и на широко распространенную среди магометан магометанскую грамотность [14].

С точки зрения Бобровникова и русской просветительской интеллигенции, мусульманская вера и тюрко-татарская культура представляла марийцам, чувашам и удмуртам довольно привлекательный вариант развития. Татаризация целых деревень этих народов намечается в XIX веке и продолжается и сегодня. Для русских просветителей и миссионеров, идея чистоты языка, и очень близкое к ней понятие о народе как о вечной, примордиальной категории – это было необходимое философическое – возможно и пропагандистическое – орудие для противостояния Исламу в регионе.

Работы русских ученых, миссионеров и просветителей велись параллельно с дискурсом о чистоте татарского языке в татарском же обществе. Для обеих этих групп, дискурс о заимствовании обоснован идеей существования чистого (саф) языка, на котором народ должен говорить, и отходя от которого народ страдает. Дискурс также предал языкам-источникам большой вес, опасаясь с одной стороны татаризации марийцев, чувашей и башкир впоследствии языкового сближения, то с другой стороны лишней русификации татар и потери основного составляющего народа.

Подобные рассуждения и представления о качественной значимости языкового контакта, предающие научным выводам политическую или другую окраску, намечаются в научном и популярном дискурсе. Нередко и в настоящее время, заимствование рассматривается в определенном свете подозрения, с представлений, стало бы, о некоем чистом языке, на котором должны были говорить представители данного народа.

Сокращения

КУС – Казанская учительская семинария

НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашмарин Н.И.* 1898б. 7 июля. Ф. 93 оп. 1 д. 637 лл. 19, 19об, 98. НА РТ.
2. *Ашмарин Н.И.* 1898а. 26 июня. Ф. 93 оп. 1 д. 637 лл. 18, 18об, 99. НА РТ.
3. *Ашмарин Н.И.* 1901. Очерк литературной деятельности казанских татарь-мохаммедань за 1880-1895. Ред. Агафангел Ефимович Крымский и В А Гордлевский. Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков вып. 4. Москва: Типография Варвары Гагцук.
4. *Ашмарин Н.И.* 1905. Несколько слов о современной литературе казанских татар. Журнал Министерства народного просвещения 361, № 9, раздел 3 (Сентябрь): 1-32.
5. *Ашмарин Н.И.* 1895. Декаденты запада и поэзия волжских инородцев. *Волжский вестник*.
6. *Чужбинов.* 1914. Татарский театр в России / К предстоящим гастролям в Петербурге “Передвижной труппы драматических и музыкально-вокальных артистов” под управлением И.Кудашева-Ашказарского. Театр и искусство XVIII, № 3: 62-63.
7. *Werth, Paul.* 2002. At the margins of orthodoxy : mission, governance, and confessional politics in Russia’s Volga-Kama region, 1827-1905. Ithaca: Cornell University Press.
8. Дело Казанской учительской семинарии. 1896. С перепиской о волнениях татар, о Татарской учительской школе. Казань. Ф. 93 оп. 1 д. 516. НА РТ.
9. Дело Казанской учительской семинарии. 1897. О переводе объявлений о чуме и разных переводов. Дело Казанской учительской семинарии. Казань, 25 мая. Ф. 93 оп. 1 д. 573. НА РТ.
10. Дело Казанской учительской семинарии. 1898а. О просмотрах разных переводов. Дело Казанской учительской семинарии. Ф. 93 оп. 1 д. 623. НА РТ.
11. Дело Казанской учительской семинарии. 1898б. С перепиской об отступниках и язычниках. Дело Казанской учительской семинарии. Ф. 93 оп. 1 д. 618. НА РТ.
12. Дело Казанской учительской семинарии. 1899. С перепиской о переводе русских учебников на татарский язык для крещеных татар. Дело Казанской учительской семинарии. Казань. Ф. 93 оп. 1 д. 677. НА РТ.
13. *Бобровников Н.А.* 1899. Инородческое население Казанской губернии. т. 1 (Татары и вотяки). Казань: П.В.Щетинкин.
14. *Бобровников Н.А.* С.Петербургский духовный цензурный комитет. 1899. Ноябрь 11. Ф. 93 оп. 1 д. 651 л. 6-6об. НА РТ.

REZUME

A.J.LYON (USA)

**STRATA OF DOMINATION IN THE DISCOURSE ON LANGUAGES OF THE VOLGA
REGION IN THE FINAL DECADES OF EMPIRE**

Frequently, questions of the influence of one language on another and of lexical or semantic borrowings are colored by more general conceptions of the

superiority or dominance of one language or another. That is, this linguistic phenomenon that is naturally part of all contact situations is presented as proof of the untoward subjugation of the recipient culture (people, language) to the the source culture (people, language), or as evidence of the unnaturalness of the language used by a given people.

In the present work, I trace the multifaceted discourse of borrowing in the languages of the Volga region from the 1890s to the 1910s. In this late period of the development of imperial policy towards the non-Russian population, government correspondence, brochures and archival materials demonstrate a view of Tatar as a language simultaneously under the undesirable – and unnatural – influence of Persian, Ottoman and Arabic, and still exerting the very same undesirable and unnatural influence on the neighboring Mari, Chuvash and even Bashkir languages.

The primary sources for this work are the archival materials of the educator and director of the Kazan Teachers' Seminary, Nikolai Bobrovnikov, translations and reviews by Nikolai Ashmarin, linguist and a teacher at the same seminary, and of various persons involved in the translation activities of the missionary and secular organizations, as well as organs of censorship and other forms of control over printing in the region.

The works of Russian academics, missionaries and educators is compared to the parallel discourse on language purity in Tatar society itself. For both these groups, the discourse of borrowing is based on the idea of the existence of a pure (*saf*) language, which the people ought to speak in order to thrive. The discourse also gives great weight to source languages, on the one hand fearing the Tatarization of Mari, Chuvash and Bashkir as a result of language shift, on the other hand fearing Russification of Tatars and the loss of the foundations of the Tatar people.

Such discussions and conceptions of the qualitative significance of language contact, coloring academic research with political and other hues, can be seen in academic and popular discourse frequently today. Today, too, borrowing is seen with a certain degree of suspicion, as if based on a conception, as it were, of a certain pure language, which the members of a given people ought to speak.